

Революція.

Это слово въ настоящій моментъ на устахъ и у друзей, и у враговъ революціи. Имъ пугаютъ съ двухъ сторонъ, съ обоихъ краевъ русской смуты. Его пугаютъ въ ея центрѣ и, пугаясь, ёжатся и прячутся.

Угаръ, туманъ и испугъ стоятъ въ воздухѣ. И въ этой атмосферѣ угара и испуга громко звучать только одни вызовы: вызовы насилія торжествующаго и вызовы того насилія, которое еще только замышляетъ торжествовать. Но оба эти насилія могутъ бросать свои вызовы только потому, что истинная сила еще дремлетъ. Въ безконечныхъ мукахъ рождается нація и ея право. Нація еще не родилась и не нашла своего права. Управляютъ Витте и Дурново; издаетъ приказы по пролетаріату Совѣтъ рабочихъ депутатовъ; но власти нѣтъ, ибо теперь уже не можетъ быть власти надъ націей и внѣ націи.

Народъ подобенъ еще тягучему раствору, въ который должна быть брошена какая то твердая крупица для того, чтобы эта безформенная масса превратилась въ упругій и сверкающій кристаллъ націи.

Есть новосозданный кабинетъ, есть старья „вѣдомства“, но нѣтъ власти, нѣтъ правительства. Оглянемся назадъ, на конституціонный переворотъ 17-го октября. Монархъ уступилъ общественному давленію и отказался отъ самодержавія. Россія стала конституціонной страной. Николай II сталъ конституціоннымъ монархомъ. Но рус-

ская конституціонная монархія съ самаго начала—по какому причинамъ, намъ неизвѣстно, и мы не станемъ вдаваться въ догадки по этому вопросу—запнулась за бюрократію. И вотъ вся страна, сдѣлавъ разомъ огромный шагъ, остановилась. Бюрократія оказалась не въ силахъ вести ее впередъ.

Графъ Витте убѣдилъ Императора дать манифестъ 17-го октября. Но послѣдующія событія ясно показали, что ни глава бюрократическаго министерства, ни самъ Монархъ не уяснили себѣ значенія акта 17-го октября, какъ *конституціоннаго* акта, рожденнаго въ *революціонную* эпоху.

Въ такія эпохи власть должна быть смѣлой и идти до конца. Она должна захватить въ свою пользу весь моральный авторитетъ одержавшей надъ нею побѣду революціи и сдѣлать его своимъ. Революція должна быть возведена въ законъ. Передъ этой задачей бюрократія вчерашняго самодержавія оказалась безпомощной до послѣдней степени. Становясь въ удобныхъ для него случаяхъ въ позу „конституціоннаго“ министра, графъ Витте продолжалъ быть, по самодержавному, чиновникомъ „въ случаѣ“.

Хуже того, онъ самъ игралъ роль монарха, но совѣмъ не конституціоннаго. Есть два типа конституціонной монархіи: одинъ характеризуется тѣмъ, что народное представительство не только законодательствуетъ совмѣстно съ Монархомъ въ странѣ, но также, совмѣстно съ нимъ, управляетъ ею черезъ наиболѣе видныхъ представителей своего большинства. Это парламентарная монархія Англии, Бельгіи, Пруссіи, Венгрии. Въ конституціонной монархіи другого типа парламентъ только законодательствуетъ, управляетъ же страной Монархъ черезъ выбранныхъ имъ чиновниковъ. Это конституціонно-бюрократическая монархія Пруссіи и другихъ гер-

манскихъ странъ. 17-го октября Россія оказалась конституціонной монархіей безъ народнаго представительства и съ совершенно дискредитированной, морально и политически обанкрутившейся бюрократіей. Конституція 17-го октября была дарована, какъ уступка революціи, направленной противъ самодержавно-бюрократической монархіи.

Народъ требовалъ и требуетъ, чтобы Монархъ пересталъ управлять страной совмѣстно съ чиновниками. Русская монархія, переставъ быть самодержавно-бюрократической, не можетъ преодолѣть революціи тѣмъ, что станетъ конституціонно-бюрократической. Бюрократія перестала быть властью въ странѣ и потому не можетъ продолжать быть ея правительствомъ. А между тѣмъ бюрократія остается въ роли правительства. Острый кризисъ, который переживаетъ Россія, есть, такимъ образомъ, *кризисъ правительства*. Это было ясно пишущему эти строки еще много мѣсяцевъ тому назадъ, и онъ высказалъ свою мысль вполне отчетливо въ своемъ открытомъ письмѣ къ Жоресу.

Хотя въ Россіи еще нѣтъ народнаго представительства, русская монархія въ интересахъ страны и своихъ собственныхъ, которыя въ данномъ случаѣ совпадаютъ, должна создать конституціонно-парламентарное правительство, потому что бюрократическое правительство, какъ наслѣдникъ режима Плеве и Алексѣева, Мукдена и Цушимы, лишено всякаго моральнаго авторитета и безсилно, т. е. не является властью.

Есть ли однако возможность безъ парламента создать въ Россіи парламентское, или точнѣе народно-общественное правительство, какъ орудіе совмѣстнаго управления Монарха и народа страной? Откуда взять такое правительство, которое положило бы конецъ политическому разложенію, хозяйственной дезорганизаціи и идейному

разброду въ странѣ? Элементы этого правительства созданы въ странѣ всѣмъ предшествующимъ общественно-политическимъ движеніемъ. Есть двѣ группы, которыя и каждая въ отдѣльности и обѣ совмѣстно, т. е. коалиціоннымъ путемъ, могли и должны были, послѣ 17-го октября, составить первое русское конституціонное правительство. Эти группы—большинство и меньшинство земскаго сѣзда.

Станнымъ образомъ верховная власть какъ будто забыла о фактѣ депутаціи *земско-городского коалиціоннаго сѣзда*, той депутаціи, ораторомъ которой явился кн. С. Н. Трубецкой. Эта депутація была какъ бы символическимъ предуказаніемъ того способа, какимъ русскій Монархъ, ставъ конституціоннымъ, могъ и долженъ былъ начать конституціонное управление страной.

Вмѣсто этого на сцену явилось бюрократическое вице-императорство графа Витте, правую руку котораго составляетъ г. Дурново, человекъ съ неизгладимой печатью моральнаго, общественнаго и даже служебнаго отверженія, пріобрѣтенною на долгодѣтней полицейской службѣ. Въ Царскомъ Селѣ не поняли, что монархія, ставъ конституціонной, должна была разомъ и рѣшительно очиститься отъ той скверны и грязи, которая налипла на ней за долгую бюрократическую эпоху, и что связывая и дальше свою судьбу съ обанкротившейся бюрократіей, верховная власть ставитъ на карту не только спокойствіе страны, но и самую судьбу монархическаго принципа въ ней.

До мозга костей пропитанный чиновничьими навыками и предрасудками, гр. Витте не смогъ подняться на высоту государственнаго человека. Онъ много разговаривалъ и переговаривался съ разнаго рода общественными дѣятелями, но онъ не имѣлъ ни достаточно

государственной мудрости, ни достаточно политической скромности для того, чтобы сказать и Монарху, и себѣ, что бюрократія безсильна и потому не можетъ быть властью въ странѣ. Выражаясь политически и топографически, самъ Витте долженъ былъ указать, что переговоры общественныхъ дѣятелей о правительственной программѣ и о составѣ правительства должны вестись не въ домѣ № 30 на Дворцовой набережной и не съ графомъ Витте, а въ Царскомъ Селѣ и непосредственно съ Монархомъ. „Кабинетъ“ графа Витте потерпѣлъ такое плачевное фіаско потому, что гр. Витте, по непониманію или по самомнѣнію бюрократа, приглашалъ не въ тотъ кабинетъ. Повторяемъ, монархія запнулась за бюрократію.

Весьма распространено мнѣніе, согласно которому вопросъ о правительствѣ можетъ быть разрѣшенъ только народнымъ представительствомъ. Но не даромъ на земско-городскомъ сѣздѣ ставили такъ часто вопросъ: какъ дожить до Государственной Думы? Народное представительство, конечно, нужно, до крайности нужно Россіи. Но только авторитетное и сильное правительство можетъ дать Россіи правильное, авторитетное и сильное народное представительство. Вотъ почему вопросъ о правительствѣ въ настоящее время главенствуетъ надъ всѣми прочими. Есть въ Россіи министры и генераль-губернаторы; развѣзжаютъ генераль-адъютанты. Но власти нѣтъ. Страна находится въ состояніи всеобщаго безсилія. Безсильно „правительство“. Развѣ его безсиліе не доказывается на каждомъ шагу?

Но столь же безсильны и „революціонеры“. Правительство утѣшаетъ себя безсиліемъ „революціонеровъ“, „революціонеры“ торжествующе указываютъ на безсиліе „правительства“. И оба они радуются безсилію „оппозиціи“ и подчеркиваютъ его.

Сильна одна только стихійная волна революціи, своимъ натискомъ разрушающая и подмывающая все безъ разбора. Но именно эта сила своей неорганизованностью и слѣпотой создаетъ и какъ-бы увѣковѣчиваетъ всеобщее безсиліе.

Не слѣдуетъ обольщаться внѣшними признаками словесной силы и бумажнаго могущества. Русская революція побѣдила старую власть, но она еще не создала новой. Отсутствіе власти есть своеобразная и печальная черта русской революціи, рѣзко отличающая ее отъ двухъ другихъ великихъ революцій, англійской и французской.

Власть есть начало организующее. Ни въ чемъ не сказывается съ такой ясностью пагубное безвластіе русской революціи, какъ въ томъ, что она гораздо больше дезорганизуетъ, чѣмъ организуетъ и страну и самое себя. Примѣръ — почтово-телеграфная забастовка. Въ сужденіяхъ о ней меня съ самаго начала поражало отсутствіе оцѣнки этого явленія съ точки зрѣнія интересовъ революціи. Я не буду распространяться о ея значеніи, какъ фактора, подтачивающаго и разрушающаго хозяйство страны. Скажу только, что, подрывая хозяйство страны, всякая такая забастовка питаетъ и усиливаетъ въ ней контръ-революціонныя настроенія. Но такая забастовка и непосредственно развѣдаетъ самое революцію. Развѣ она не создала параличъ матерьяльнаго и духовнаго обмѣна страны, гораздо болѣе убійственный для революціи, чѣмъ для правительства, и обличающій ее безсиліе и безвластіе?

Тѣ, кто рѣшили, проводили и поддерживали эту забастовку, были не властью; они сами были во власти какой-то ирраціональной стихіи, влекшей ихъ по своей волѣ.

Революція требуетъ національнаго сговора и объ-

единенія. И въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ русской революціи почтово-телеграфная забастовка отняла у націи всѣ элементарныя возможности такого сговора и такимъ образомъ подрывала самую основу революціи. Съ болью въ сердцѣ говорятся и пишутся такія вещи, но обратите вниманіе на такой фактъ: телеграфъ за все время забастовки дѣйствовалъ для правительства и бездѣйствовалъ для общества.

Правда, говорятъ, телеграфомъ пользовался петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но онъ за это время готовилъ (на словахъ) вооруженное возстаніе и тѣмъ приготовилъ свой собственный арестъ, — событіе, которое во всякомъ случаѣ отдалило для этой многоголовой коллегіи возможность стать правительствомъ или выдѣлится изъ себя правительство.

Правда, для всякаго, кто бывалъ на засѣданіяхъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и съ неопытенной головой слушалъ то, что тамъ говорилось, было ясно, что этому „революціонному“ собранію безконечно далеко до власти. Только старикъ Суворинъ въ своей почти гаерской безпринципности могъ — для посрамленія графа Витте — играть на страницахъ „Новаго Времени“ съ мыслью о захватѣ правительственной власти совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.

Онъ, „хозяинъ рабочаго петербургскаго народа“^{*)}, приказывалъ; ему подчинялись. Но содержаніе своихъ приказовъ онъ черпалъ не въ своемъ собственномъ пониманіи того, что нужно и возможно для „подданныхъ“, а въ мѣняющихся настроеніяхъ этихъ подданныхъ. Эти настроенія совѣтъ рабочихъ депутатовъ возвращалъ рабочимъ въ краткихъ, электризующихъ, приказатель-

^{*)} Подлинное, записанное мною выраженіе одного изъ ораторовъ Совѣта рабочихъ депутатовъ.

ныхъ формулахъ. Такъ дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ, Хрусталева-Носарь. И потому совѣтъ рабочихъ депутатовъ не былъ властью; онъ только ею казался. И онъ казался тѣмъ болѣе огромной властью, чѣмъ послушнѣе исполнялись его приказы, т. е. въ сущности, чѣмъ послушнѣе былъ онъ самъ. Ужасное безвластіе русской революціи открылось мнѣ именно тогда, когда я—съ напряженнымъ вниманіемъ—вслушивался въ пренія совѣта рабочихъ депутатовъ.

Я не думаю винить почтово-телеграфныхъ служащихъ и ихъ союзъ въ томъ, что произошло; я не думаю вовсе ставить въ вину Совѣту рабочихъ депутатовъ его безвластіе. Наоборотъ, изумительна энергія, развитая почтово-телеграфными служащими въ борьбѣ за поправныя права и за улучшеніе условій ихъ труда; не менѣе замѣчательна та энергія, которую обнаружили въ своей дѣятельности Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Въ томъ вредѣ, который почтово-телеграфная забастовка принесла дѣлу русской революціи, и въ томъ безвластіи, которымъ отмѣчена русская революція, повинны всего болѣе т. н. умѣренные элементы освободительнаго движенія. У нихъ есть свое поприще дѣятельности и на немъ они сдѣлали очень многое. Но они чрезвычайно не любятъ выходить изъ круга своего вѣдомства. Къ тому, *что* и *какъ* дѣлаютъ „революціонеры“ и прочіе „крайніе“ элементы, они относятся большей частью съ пассивностью почтительной; къ тому, *что* и *какъ* дѣлаетъ правительство, они относятся почти всегда съ пассивностью непочтительною. Однако революція есть цѣльное національное дѣло и ее нельзя раздѣлить на вѣдомства, отдѣленія и столы. Къ ней возможно и допустимо только одно активное и живое отношеніе. Она не терпитъ отписокъ, хотя бы и самыхъ закругленныхъ.

Въ современной Россіи все страшно перепуталось. Мы вступили въ конституціонную фазу; но и монархическая власть и народъ живутъ еще идеями, традиціями, пристрастіями (т. е. и симпатіями, и антипатіями) самодержавной эпохи.

Монархія прикована къ бюрократіи; и вся интеллигенція, безусловно враждебная бюрократіи, питаетъ недоувѣріе къ монархіи, которая ей платитъ тѣмъ-же. И въ спорѣ монархіи съ интеллигенціей вновь оживаетъ и укрѣпляется бюрократія. А народныя массы, исторически привязанныя къ монархіи, питаютъ глубокое недоувѣріе къ двумъ исторически связаннымъ между собой и въ тоже время органически другъ другу враждебнымъ силамъ: къ бюрократіи и къ интеллигенціи. Поскольку монархія остается въ союзѣ съ бюрократіею, народныя массы своимъ стихійнымъ возстаніемъ потрясаютъ, вмѣстѣ съ ненавистной бюрократіей, и дорогую имъ по всѣмъ чувствованіямъ и привычкамъ мысли—монархію. И въ тоже время они могутъ, увлекаемые темнымъ унаслѣдованнымъ отъ прошлаго инстинктомъ, ринуться на интеллигенцію, какъ на „господъ“. Небольшая кучка русскихъ реакціонеровъ, этихъ единственныхъ въ Россіи настоящихъ „господъ“, готова, разбудивъ чернь въ народной толпѣ, соединиться съ нею для того, чтобы, пользуясь ея противогосподскими предрасудками, физически раздавить ненавистную реакціонерамъ интеллигенцію. Таково черносотенное движеніе, глубокіе корни котораго заложены въ исконномъ культурномъ раздвоеніи между „командующими классами“ и народомъ. Не надо забывать—и прежде всего не надо забывать этого революціонерамъ—что ихъ проповѣдь соціальной классовой борьбы часто лишь, какъ слабый побѣгъ, прививается къ старому и крѣпкому противокультурному стволу недоувѣрія народа къ „образован-

ному обществу“, т. е. прививается къ черносотенной основѣ рухнувшего самодержавнаго строя. И лозунги классової борьбы и культурной ненависти, провозглашаемые слѣва и справа, заглушаютъ идею единой, свободной и самоуправляющейся націи, которая свое право противопоставляетъ произволу самодержавной бюрократіи.

Выходъ изъ современнаго остраго политическаго кризиса заключается въ томъ, чтобы конституціонную монархію сейчасъ же оторвать отъ бюрократіи и тѣмъ окончательно раздавить главу бюрократическаго змія, такъ долго терзавшаго Россію и до сихъ поръ подтачивающаго ея силы. Къ направленію всей общественной борьбы на эту цѣль сводится единственная политическая программа ближайшаго момента.

Партіи, стоящія налѣво отъ конституціонно-демократической партіи, могутъ примкнуть и не примкнуть къ этой программѣ. Но конституціонно-демократическая партія должна эту программу громогласно выставить передъ страной, какъ такое условіе, внѣ выполненія котораго умиротвореніе страны на основѣ незыблемаго конституціоннаго порядка совершенно недостижимо.

Монархія не есть какая-либо абсолютная форма политическаго бытія народовъ. Наоборотъ, это — исторически весьма условная форма, съ которой сродняются и даже срастаются народныя души, какъ со всѣми вѣковыми предразсудками.

Легкомысленно сектантскими клещами и цѣною потоковъ крови рвать изъ народной души эти предразсудки, тѣмъ болѣе, что въ атмосферѣ права и свободы они становятся совершенно безвредными; но уже преступно до послѣдней степени—ради мнимой охраны предразсудковъ—попирать вѣчныя начала права и свободы.

Русская революція и русская монархія стоятъ теперь обѣ на поворотномъ пунктѣ. На тѣлѣ націи онѣ могутъ схватиться въ послѣдней отчаянной схваткѣ. И онѣ еще могутъ заключить миръ. Допустимъ, что завтра революція побѣдитъ монархію. Это вовсе не будетъ означать, что торжество революціонныхъ началъ прочно. Такая побѣда революціи только проложитъ путь реакціи. Но и наоборотъ. Торжество реакціи—теперь уже это ясно для всякаго вдумчиваго человѣка — опаснѣе для монархіи, чѣмъ для революціонныхъ началъ. Русская монархія, которая не заключитъ съ революціей почетнаго для обѣихъ сторонъ мира, а побѣдитъ ее реакціей, — эта русская монархія не выдержитъ не только второй революціи, но и второй такой войны, какою была русско-японская война.

Земскій съѣздъ выработалъ условія мира между монархіей и революціей. Теперь вполне выяснилось, что бюрократія, въ лицѣ Витте и его подручныхъ, неспособна ни на что, кромѣ тупой реакціи, и мира между монархіей и революціей она не хочетъ и не можетъ устроить. Только общественное министерство можетъ вывести Россію изъ этого тупика. Только оно будетъ обладать ясной, истинно народной программой, обеспечивающей ему моральный авторитетъ, безъ котораго власти существовать не могутъ.

„Людская пыль“ на нашихъ глазахъ стала превращаться въ народъ, пріобрѣтаетъ сознание необходимаго единства воли. Но не будемъ дѣлать себѣ иллюзіи. Пробужденіе личности въ народныхъ массахъ было слишкомъ внезапно и стремительно для нихъ самихъ; пробужденіе народныхъ массъ было слишкомъ внезапно и стремительно для интеллигенціи. Изъ этой внезапности, которою русская революція запечатлѣна болѣе, чѣмъ другія великія революціи, вытекаетъ ея хаотиче-

скій характеръ: въ ней въ ужасающей путаницѣ переплетаются стихійныя движенія народныхъ массъ съ упрямо заученными и съ поразительной настойчивостью повторяемыми директивами крайнихъ элементовъ интеллигенціи.

Революція съ огромнымъ трудомъ, ощупью вырабатываетъ себѣ единство воли и такимъ путемъ претворяется въ національное дѣло.

Въ безконечныхъ мукахъ рождается національное сознаніе. На пути ему стоятъ два врага и два близнеца, другъ друга питающіе и другъ друга стремящіеся пожрать. Это—бюрократія и сектантская партійность. Онѣ обѣ стремятся къ диктатурѣ и стремятся сдѣлать невозможными тѣ необходимыя *соглашенія*, въ которыхъ и которыми создается нація, а реакція и анархія будутъ побѣждены *возведенной въ законъ революціей*.

Этихъ соглашеній *два*, но содержаніе у нихъ одно. Два соглашенія. Между кѣмъ? Во-первыхъ, между разными классовыми и племенными элементами націи. Во-вторыхъ, между согласившейся въ себѣ націей и монархіей.

Я сказалъ, что содержаніе обоихъ соглашеній тождественно. Оно сводится къ демократическому устройству русской конституціонной монархіи.

Я глубоко убѣжденъ, что разъ будетъ достигнуто дѣйствительное и дѣйственное, программное и тактическое соглашеніе между разными классовыми и племенными элементами націи,—какъ-бы однимъ ударомъ бюрократія будетъ низвергнута.

Она держится только тѣмъ программнымъ и тактическимъ разбродомъ, въ которомъ находятся живыя политическія силы націи.

А съ того момента, что соглашеніе этихъ силъ между собой будетъ достигнуто, для монархіи останется только одинъ путь—соглашеніе съ націей.

Примирительной камерой, которая осуществитъ это соглашеніе и будетъ то учредительное собраніе, котораго требуютъ всѣ сознательные элементы націи, желающіе, чтобы монархія такъ же рѣшительно и безповоротно порвала съ бюрократіей, какъ это уже сдѣлалъ русский народъ.

Петръ Струве.

Спб., 6-го Декабря
1905 г.